

Юрий Николаевич Арабов

ЗЕМЛЯ

(Сборник стихов)

• ПРОСПЕКТ •

ebooks@prospekt.org

Из тоналя в нагваль и обратно...

*Из тоналя в нагваль и обратно
я ходил, как матрос в Сингапур.*

*Но мне жизнь все равно
непонятна, как фальшивая пачка
купюр.*

*Этот быт и его
имманентность*

*не постичь и не выиграть на
спор.*

*Не понять электрона
валентность, и не клеится наш
разговор*

*Нам не выпить кубинского рома,
не пропеть нам веселый тропарь.*

*Я не знаю, где скрылся Ерема, Я
не знаю, где Ваня пропал.*

*Я не знаю, то смерть или
стужа.*

Я не ведаю лучше судьбы, чем

*нам лечь потрохами наружу
на глазах удивленной толпы.*

08.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Штокгаузен не умер. Он просто бредит в трубах...

Евг. Бунимовичу

*Штокгаузен не умер. Он просто
бредит в трубах.*

*Из кранов выползает холодная
змея.*

*Быт крепок, словно улей, он
закален на трупах, и на зубах
крошится чуть ржавая земля.*

*Ведь наша жизнь сложилась. Как
водка, настоялась, но Бог ее не
любит, наверное, он прав.*

*И в дебрях сухожилий есть
мертвая усталость*

*как в августе бывает на
перекрестке трав.*

*Ты вылил свою воду, как Иоанн
Креститель, ты видел его руку,
которая мертва.*

*Ты горную породу долбил, как
небожитель, чтоб камень
возродился из своего нутра.*

*Так почему ты бредишь, что
жизнь сиюминутна, застегиваешь
криво дешевое пальто?*

*И умираешь ночью, и
просыпаешь утро, и шепчешь,
просыпаясь:: «Не то, не то, не
то...»?*

08.

Я живу в Золотой Орде...

*Я живу в Золотой Орде
и работаю там в Ворде.
Меня не видно нигде,
даже в «Ашане».
Иногда отражаюсь в воде
и в радиоактивной руде, Меня
добывают везде,
где есть каторжане.*

Вдруг ястреб сорвется с петель,

вдруг спустится князь в ракете.

Но он на военном совете

первый от края.

Он проповедь в Новом Завете

читал при потушенном свете.

И нынче в его сигарете

коротит и стреляет

Я верю в Батые-хана,

потому что в нем вижу пахана.

*У него продается нирвана, но
стоит недешево.*

Я ему предлагаю вьяну

*в обмен на его нирвану, а он
меня метит арканом*

и тащит на лошади.

*Хоть это забава — детская, но
в этом — его селекция.*

*При нем есть духовная секция,
дальнобойная батарея.*

*Я с ними пошел на дерзкое, —
взял антивирус Касперского, экс-пи*

поменял на веское, — «висту» или новее.

*Но все же я исчезаю
из речи деда Мазая,
из сводок Хамида Карзая, из
сосен на Ладогe.*

*Орда, она Золотая,
а яма всегда выгребная.*

*И птица бьет, не взлетая, из
раны роняет ягоды.*

*Под нею — омут без края, над
нею — небо без Рая.*

И нимб без святого — радуга.

09.

Еще не дождь, но пока не снег...

*Еще не дождь, но пока не снег, и
гарь на ангелах городских.*

Светофор говорит пешеходам:

“Нет”.

*И дальше не видно следов
никаких.*

*И дальше не видно обычных
людей*

с халвой, подарками для родных.

*Лишь тьма и поступь слышна
зверей.*

*Луна, как выпотрошенный
рудник,*

отыщет место, куда упасть.

И по чуланам, на чердаках

*прыщавый гений, ругая власть,
все пишет кровью на рукавах.*

*И вольный ветер зажат
дверьми.*

*Москва вспухает, как черный
торт.*

А я меж гением и зверьми

стою, где выщерблен переход.

Машину тянет в кювет...

А. Королеву

Машину тянет в кювет.

*День солнечный ясный,
праздний.*

*Она заказала криветки
и прочую всякую разность.*

*Потом взяла винегрет,
но машину тянет в кювет.*

*Ей вдруг показалось,
что она воскреснет в промзоне.
Будет вечная жизнь
в сапогах и комбинезоне.*

*Грязь поцелует, как Казанова, с
языком и взасос, и над хилой
речонкой наладят огромный мост.*

*Как будто она не одета, Ей
сделалось жутко, фигово.*

*Пролила молоко из пакета, на
столе получилась корова.*

*Ушла от друзей, услышав, как за
нею скрипит паркет, и все потому,
что машину тянет в кювет.*

*В Стамбуле ясна погода, а тут
за окном – бардак.*

*Круги на воде проходят, а под
глазами никак.*

*Чтобы любить жизнь,
нужно есть не креветки, а мясо,
Нужно покинуть инь,
когда берет двадцать по трассе*

*Когда под рамой козлит, а
коробкой владеет случай.*

*Задний чуть-чуть скрипит,
передний мост не изучен.*

Машину тянет ... — куда?

*Замешкаешься — и привет, — я
так подумал, присевши на
парапет.*

*Но все же ей снится,
что скоро все прояснится.*

*Вот она гуляет в промзоне
на кирзовых сапогах.*

*С карьера бредут «в законе»,
кто гонит их – в орденах.*

*Каждый – душевно богат, хоть
скуп на бросовые слова, и от
предчувствия пайки покруживается
голова.*

*А то что креветки, трафик ...
Все это – незначительный эпизод.*

*Как заметил однажды классик,
что за поезд придет?...*

*Молись, чтобы Бог пронес,
покуда скулит душа.*

*Но машину уносит в занос, и
машина ушла, ушла...*

Чтобы распять сегодня...

Чтобы распять сегодня,
нужно много строительных
средств.

Нужно нанять таджиков,
чтобы сбить деревянный крест.

Обеспечить конвой, это будет
дороже вдвойне, и помехи, как
чайки, сидят

на короткой и средней волне.

Каждый гвоздь дорожает,
китайские гнутся с нуля.

Стынут длинные деньги, они не
влезают в тебя.

А затраты на склеп,
предположим, каких величин?

Он построен под ключ в головах
только сильных мужчин.

Выбирали Голгофу,
с арендой случился прокол.

*Старший менеджер — лыжник,
а думали он — ледокол.*

*Миро хоть заказали, но импорт
сегодня не тот, к Мир Ликийскому
Николаю*

записываются вперед.

*Пусть Тиберий был скуп и
немного страдал головой, но
расходы на дыбу там были
отдельной строкой.*

*А теперь не надейся, что кто-
то тебя вознесет.*

*Ни креста и ни склепа, а просто
стреляют в висок.*

09.

Мы держали во рту провода...

*Мы держали во рту провода,
чтобы был электрический ток.*

*У авиаторов было по два крыла,
у крокодилов во рту — пила.*

Я подумал и лег под каток.

Он меня переехал, я видел тень

от рамы,

в моторе был небольшой пожар.

Я видел, как люди

*размножаются в темноте, а
потом, как пленка,*

засвечиваются без пижам.

*Я стал невесомым, как
карантин, прямой руки, что меня
сгибала*

Я прочел всего Гоголя,

один на один,

на языке оригинала.

Перевел Толстого со словарем

на язык современного быта.

Но получился Сорокин,

и эта страница закрыта.

Ну а дальше что? Отвалить на

Юг

*и на песке просушить рукав?
Зиму увозят и волокут
на снегоуборочных грузовиках.*

*Из Юга и Врангель не выкинет
без глобальной войны,
и Север уменьшен, как
вытряхнут
из подзорной трубы.*

*А вам я оставляю все,
все фантики и фаянсы в тине,
потому что птица, далекая от
финансов, держит все яйца в одной
корзине.*

*У меня почти ничего нет,
только в стенах
прозрачный ток, добываемый,
как руда.*

*Только компас на Севере,
показывающий на Север*

угольки деревень и горящие
города.

И у вас ничего нет.

Лишь ключи зажигания и каток.

*И висит на кресте
отутюженный человек.*

Говорят, что это и есть Бог.

09.

Я помню, как Жданов вышел из самолета...

*Я помню, как Жданов вышел из
самолета.*

*Мы летели в республику Коми, а,
может быть, на Алтай.*

*Я был не в теме, его распирала
блевота, и в воздухе было шалтай-
болтай.*

Он ударил бортпроводницу,

открыл запасной люк, я увидел его пятки, сверкнувшие в темноте.

И он улетел от меня, как настоящий друг, и с тех пор я не знаю, откуда он или где.

А потом состоялся народный суд.

Его, приземлившегося, ругали за хулиганство, но всему виной гениальность и пьянство, и он до сих пор болтается то там, то тут.

Я задираю голову, надо мной парит Жданов, гляжу на воду, он мне в глубине мигает.

Человеческих слов он не понимает, и его слова, как стальной редут.

И нас развели на разные канители.

Он болтается в воздухе, я прыгаю просто так.

На его Украине оранжевые
параллели, а на нашей с краю
просто здоровый мрак.

Я б к нему проделал подземный
лаз, я б к нему завел сетевой
портал.

Может, он Дон-Кихот,
а может, надел на себя таз, но я
помню, как он летал.

09.

ВСПОМИНАЮ О ДРУГОЙ ЖИЗНИ

Мужик у нее — кобель,
он починяет электрокабель.

А баба его носит шик, —
мексиканскую шляпу, сидит на углу
Коммунальной и пробует граппу.

Когда ветер дует с
«Электрокабеля», в церквях
поминают почто убиенного Авеля.

*Ветер внутри параллелей улиц
налаживается, как в печи.*

*Я иду по улице Ленина, у меня в
кармане ключи.*

*Я не помню откуда и что ими
отпирать.*

*Я здесь не жил, мне некого
миловать и убивать.*

*Один ключ подходит к рыбе,
притершейся у затона, он
отпирает ее навывлет, вытягивая
из воды.*

*Другой был найден у дыбы
во дни Иоанновы и Годунова, а
третий просто морозит руку до
синей дыры.*

*Я сворачиваю на Щорса, где
вечно-зеленый сад.*

*Последний автобус отыскивает
мостовую*

по обрывкам игральных карт.

*И вдруг вспоминаю, пройдя по
Навалочной до конца, что здесь у*

*меня есть дом и что в этом городе
— я.*

*Я — в этом городе. Хожу в
магазин «Экономыч», работаю на
Литейке сторожем, опасаясь
бериллия.*

*Имею в бумажнике пятьдесят и
червонец, и кроссворд не догадан из-
за приморской пинии.*

*Я прихожу домой, теща ставит
на стол еду.*

*Артишоки в прованском соусе
показывает телевизор.*

*Жена в кофемолке заваривает
беду, а потом убегает на
сверхурочный вызов.*

*Я ложусь в башмаках на перину,
гляжу в окно, город спит, как
ребенок, сползая с кровати вниз.*

*И под сон проступает однажды
давным-давно, что здесь я
случайно, но задержался на жизнь.*

*Но задержался на век с другими,
как я, гуртом, чтобы лечь
шестеркой, а встать, например,
вальтом, перейти через мост и
увидеть далекий лес....*

*И ненужная память
затягивается, как порез.*

09.

Хорошо, когда нету писем в почтовом ящике...

*Хорошо, когда нету писем в
почтовом ящике, и слюна, словно
клей, не заклеивает конверт.*

*Вся вселенная дремлет на
рыбьем случайном хрящике, и
петит существует отдельно от
пачки газет.*

*В саундтреке прошедшего поезда
слышится босанова.*

И пожарник в вечернем небе

тушит большой красняк.

Мы в холодной войне побеждаем
тем, что по новой

залепляем оконные рамы,
придушивая сквозняк

У Венеры зашили промежность
в осеннем парке.

У Аполлона отбили пестик, и
это секвестр.

Кто его только не трахал,
менты, доярки....

Я помню, что при Хрущеве здесь
горевал оркестр.

Я помню, что нету писем. Нет
телеграммы-молнии, значит,
никто не умер, никто к тебе не
придет, никто не зачат внезапно,
чтоб деву сравнили с волнами.

А от почтовой молнии есть в
доме громоотвод.

Если упал вертолет, то в нем
сидит губернатор.

И если тебя затолкают в какой-нибудь нефтепровод, ты явишься на Украине, как сжиженный газ-аниматор.

Тебе это будет лучше, чем все просчитать наперед.

Ты обнулишь духовность, забудешь свою фамилию, согреешь собой Крещатик, чтоб не сгореть вотще.

Ты – рядовой запаса. Тебе надо ехать в Боливию, там где, сидит полковник, кому не пишут вообще.

Скоро – Последний день. К нему не придут глухие, они и себя не слышат, не то, что Господних труб...

Ты не подсуден им, не подчинен стихии.

А суть квадратуры круга, что это не круг, а куб.

Я слышал вчера по радио...

*Я слышал вчера по радио, что
есть православные концлагеря.*

*Я понял, что наши мозги
украдены, а слова вылетают зря.*

*Что все перемены временны, я
их, как дурак, читал.*

*И все зеркала беременны
в царстве кривых зеркал*

*Что если жить в точке
большого взрыва, где зародится
галактика, то лучше в обличии
блудного сына*

уйти за чужой грамматикой.

*Улететь в Ришикеш,
обмочиться в Ганге, зажечься
свечкой на парафине...*

Враг постоянен,

*ешь его или не ешь,
а друзья мимолетны, как
косточки в апельсине.*

*А друзья мимолетны, почти
всегда неизвестны, они не дружат с
тобой,*

а только со смертью дружат.

*И это будет, во всяком случае,
честно, если из всех вариантов, ты
выберешь тот, что хуже.*

08.

Если нету врага, то и некого крепко любить...

*Если нету врага, то и некого
крепко любить.*

*Если нету стены, то пройти
невозможно насквозь, если нету
вины, то счастливым здесь некому
быть.*

Остальное – глаголы и книги,

лежащие врозь.

Остальное – причины. Их бунт порождает судьбу.

Кто ее разгадал, не расскажет о ней ничего, а тихонько приткнется в далекую сторону, где копают картошку и варят траву горячо.

Если нету врага, то и нету друзей никаких.

Я ищу отголоски не в прошлом, а наперед, где такие же твари глядят из цепочек дверных, но доподлинно знают, чем кончили я и народ.

Но доподлинно дружат, как с теткой, со смертью моей, происшедшее сняв и поставив у ног, как приклад.

А причины, нахмурясь, глядят из скворечен страстей, и провал впереди маскируется под ухаб.

Нефть-строительница хлещет...

О. К.

*Нефть-строительница хлещет
там, где раньше брали пайку,
где конвой ходил на спайку....
Впрочем, я не знаю дальше.*

*Вещь, как и была, сырая.
А вода всегда сухая,
когда нет ее во фляге
и серпа — креста на флаге.*

*Нефть-строительница хлеще,
где ломался позвоночник, и его поэт
в подстрочник
запихнул, чтоб дуть на флейте*

*Нефть-строительница гуще,
там где рылись доходяги
суки – на природной тяге,
мужики и кто попроще*

*Где за реденьким штрих-кодом
наворочены могилы.*

Эти вещи – из народа.

Эти вещи мэйд ин глина.

*Потому и нефть густее,
потому и труп дороже,
и в буддисте — все пустее, и
Отелло бьют по роже*

*Афродита – твоя мама,
и сестра твоя – Электра.*

*Нефть из трупа Мандельштама
заливаю в Опель-Вектру.*

*Не в абстрактном смысле
слова, не в примерном — с
дураками, чтоб не чувствовать
херово*

перед теми, кто с ногами.

*У меня — своя мандала,
У других же — буровые...
Кости порта Магадана —
золотой запас России.*

08.

По угольным сланцам кораблик плывет...

*По угольным сланцам кораблик
плывет*

и песню глухую поет.

*И воют сирены, и самолет
без крыл на посадку идет.*

*И с неба спускается парашют,
летит, не меняя маршрут.*

*Но нету под ним, кого любят и
ждут, как юбка без ног и без рук.*

*И этот кораблик берет
мертвецов, сперва — матерей и*

отцов.

*И в топку кидает, и дальше
плывет*

до дна, до начала концов.

*И человек вместо крови мазут
достал из аорты, где жгут.*

*Он бел, как Отелло, и весел, как
спрут, и кровь в бензобаке сожгут.*

*Я выпил свой чай, подваривши
чифирь, и был тяжелее он гирь.*

*И в кухню из сланца кораблик
приплыл, похожий на мост без
перил.*

*И я им отдал все живое вокруг
и даже своих нерожденных
сестер.*

*И красный язык, затвердевший
во рту, молчал, как уснувший
осетр.*

Мерцает кораблик, как

*гетеродин, уходит в разломы
глубин.*

*А я на земле из поваленных спин
стою и остался один.*

*Лишь те, кто лежали в дешевом
гробу, воскреснут для жизни
второй.*

*А я все таскаю на скользком
горбу
ничтожество жизни одной.*

08.

Деревянный конь был сначала при Трое...

*Деревянный конь был сначала
при Трое, но потом перешел в
спортзал.*

*Одноклассники бегали на
квадратном просторе, а я стоял.*

Канат накачивал мускулы, на нем можно было стать маятником, и переваливаться, дрожа.

Физрук был надгробьем с выраженьем памятника

и он лежал,

показывая пионеркам все сущности Кама-Сутры: ветер

огонь и как вылезти из сансары, уйдя в астрал.

Глаза его не мигали, как пуговицы внутри петель, а я стоял.

Я умел добывать электричество из кирпичной стены, хотя в Америке его добывают из стула.

Я был прибит к крестовине
гвоздем коллективной вины
за то, что я был сутулым.

В моей башке исчезали блицы
неточных знаний:

закон буравчика, яблоко
Ньютона, рычаг Архимеда...

Так исчезают на солнце спицы
при быстром движении
велосипеда.

Но я не двигался, я стоял.

А двигались все другие.

Потом началась война,

поднялся Афганистан,

и рухнули все стихии.

Потом началась война народа с
Мавроди

и Мавроди против народа, в
Москве спилили деревья.

Мне дали ваучер. Я спрятал его в
комоде

и подумал уехать в деревню.

А потом я проснулся один в
кровати

с мыслью, терзающей мозг: жил

ли в Тольятти коммунист
Тольятти

или просто был женский бокс?

Наступала эпоха грузинских
агентов, заговора Тбилиси

на короткой волне.

Я понял,

что становлюсь старым и
нетранспарентным

и что жизнь удалась не вполне.

Школу снесли.

В деревянном коне обнаружили
греков.

Тот, кто бежал, отошел к
Харону в одном строю.

Я подбираю книги, выброшенные
из библиотеки, и стою.

Подобно дереву или Лютеру.

Не меняя кровь, избежав узды.

Терзаю детей, подключенных к

компьютеру, как пропел поэт,
через USB.

Где-нибудь на Аляске найдут
мой бивень, по нему сконструируют
монстра

в два этажа.

Будущего все меньше,

прошлое прибывает, как ливень,
и скоро они сойдутся, как два ножа.

08.

В детстве нельзя быть самим собой...

В детстве нельзя быть самим
собой, кто смотрел в зеркало, тот
боялся.

Я помню, как бегал голубь

с оторванной головой.

Я сидел у костра и делал вид,
что смеялся.

ВЫБОРЫ

*Дзержинская звезда прошла по
небу*

и указала, где родится отпрыск.

*Волхвы пошли по предлагаемому
следу, их не пустили, потому что
нужен пропуск*

*И все заглохло, захирело и
накрылось.*

*Из Себастьяна вылезли все
стрелы, Фома Кемпийский
смотрит как Аквинский, скорей
всего, он кончит самострелом.*

*Соборы всех церквей
безвариантны.*

крестовые походы захлебнулись.

*Каспар рукоположен в
лейтенанты, и все молчат, как*

будто бы рехнулись.

*И я молчу, хоть ботаю по фене,
и не иду, а маюсь, как Есенин.*

*Как если бы четверг искать на
небе, а там одно сплошное
воскресенье.*

*И тишина в себе перевернулась,
и камень заорал в глуши породы.*

*Бог думал, — его чествуют
народы, но камень лишь киркою
долбанули*

два доходяги, близкие к народу

*И ничего другого не обломит,
верней, не даст покойный
Кастанеда: опять пейотль, как и во
время она, верней, в года
бровастого генсека*

*В бутылке – дух, но дух большого
брата, и на березе сохнет
сигнатура.*

Иди в нагваль и выходи обратно,

как моряки идут из Сингапура.

*Тут выход неизбежен лишь
вслепую, и эта ситуация привычна.*

*Так сыр, имея скважину
сквозную, предполагает ключ или
отмычку.*

08.

Белый индеец въезжает в Кремль...

*Белый индеец въезжает в
Кремль, столбы отдают ему важно
честь.*

*И в кармане сладкая карамель
превращается в кашу, —
противно есть.*

*Он потеет, ищет платок,
гундя, и платок ему подает шофер,
где уже отпечатана чья-то губа,
себя уронившая на прибор.*

Индеец, более сед, чем свят.

*Вспоминая ясли, вагон, тюрьму,
идет мимо колокола, чей стяг*

пробит, что свойственно и уму.

До кабинета каких-то два

этажа и один пролет.

Следит электрическая сова

за каждым шагом, и дождь идет.

*А он, задумчив, как обелиск, в
душе окидывает страну, где всяк
индеец в душе пречист, мозгами
родственный пацану, —*

*с грудною жабой, как самовар, в
очах — лянялый отлив небес...*

*Апачи вспахивают гектар,
чероки шумно идут в собес.*

*Впотьмах обкрадывают
дилижанс...*

*Но вождь не гневен, он просто
бел.*

Сегодня утром сказал пасьянс,

что трубку мира купил “Пэл Мэл”.

*Поставил фильтры, и дым, что
кисл, не будет больше царапать
рты.*

*И вдруг к индейцу приходит
мысль, что все индейцы кругом —
скоты.*

*И это проще, чем телефон
с вертушкой, прочая лабуда.
Но вывод нужно скрывать, и он
не скажет этого никогда.*

*А лучше сплюнет, сморгнет,
скряхтит, при людях высморкнется
в рукав.*

*И Спас с иконы ему молчит, и
день заканчивается не так...*

**Кто кидал коктейль Молотова на
врага...**

*Кто кидал коктейль Молотова
на врага, тот счастливее тех, кто
его распил.*

*Я хлебал коктейль Молотова в
года, когда каждый носил в глубине
распил.*

*Я искал лимон, чтоб заесть
отраву, но из него кто-то вырвал
чеку.*

*Я искал всемирной посмертной
славы*

*и чихал, когда кто-нибудь гнал
пургу.*

Белобородов, Елфимов, Львов...

*Наши следы в кабаках везде, а
вот Христос не оставил следов*

потому что ходил по воде.

*Из закусок были орех
расколотый, две шпроты,
обветренные, как наждак.*

*И нам подавали коктейль из
Молотова, чтобы мы заливали*

внутри рейхстаг.

И я сказал им: «Послушай, Львов, ведь в Гамбурге делается луна.

Детант в разгаре, не видно львов, — сплошные кошки и так, — урла.

И я сказал им: «Послушай, друг, я даже Молотова не боюсь.

Я в электропроводке нащупал пульс, И это был вездесущий дух.»

Но он не слушал меня никак, потому что он был человек из стаи.

Потому что он был человек-кулак, и был рад, что Россия не делается в Китае.

А когда она сделалась вдруг в Шанхае

он откинул коньки, этот странный Львов

На погосте водка была плохая,
хуже Молотова, под которым —
кровь.

Под которым — пакт с
Риббентропом, градусы
набежали более, чем в других.
хороших водках, Дымились
пандусы, ими крыли могильщики
всех остальных..

И я понял, что пью здесь в
последний раз.

Я поднял голову. В облаках
синел какой-то провал иль глаз,
и дождь прошелся на каблуках.

Зима, раздетая до трусов
сошла на нет и пустила дым
зеленых пролежней и лесов, в
которых был я теперь один.

И я уехал ко всем чертям, и я не
здесь, где отбросил тень.

*Детант задохся, и нету дам,
Одни гитары, чтоб трень иль
брень.*

*Кто знал коктейль Молотова
в друзьях
и кто кидал его сам в себя:
Белобородов, Елфимов... Снять
на фотку это слабо, нельзя...*

*Это слабо
просто так наградить,
в Кремле посмертный зажечь
огонь...*

*По этой земле мне нельзя
ходить, здесь люди русские под
ногой.*

08.

**О, как ты меня щекотала и как ты
меня любила...**

О, как ты меня щекотала и как
ты меня любила

ножами для резки мяса,
изъятыми у Чикатило.

Мы были, как зомби, нежные,
побритые до гола.

Я был из шестой палаты, а ты
из палаты два...

Я слыл записным невротиком, а
ты была МДП.

Но эти детали опыта не
сказывались на уме.

На посторонних улицах
замерзший салют оттаивал,
выстреливая моторами,
планетами разговаривал.

Я сделал себе наколочку под
кочечкой на полу

и сделал тебе ребеночка. Как
вспомню, так не могу.

*Из глины, песка и семечек... Я
грудь ему подогнул, я в рот его
оттопыренный лекарства свои
вдохнул.*

*Пускай он растет,
здоровенький, брутальный, как
Ахилес, как памятник плодородию
грядущих пустых небес.*

*Мужает пускай у Сербского,
взрослеет на Столбовой...*

*Любовь ты моя соседняя, устал
я и сам не свой.*

Разменная мелочь в карманах земли...

Л. Звонниковой

*Разменная мелочь в карманах
земли*

*прокормит, как может,
разменный народ.*

*И добрые фабрики дуют в угли, и
город плывет, как большой пароход.*

И город плывет в ледовитый

*туман, на айсбергах ангелы тихо
трубят.*

*О если б лишиться остатков
ума*

и, зубы ломая, кусать шоколад.

*И выпасть плечом из размера
вещей, из речи знакомой, из общей
судьбы...*

*Но жить без размера и без
словарей*

*трудней, чем упасть под
тяжелые льды.*

Не шелести, кулек, не надо больше ботать...

*Не шелести, кулек, не надо
больше ботать, а надобно, кулек,
работать. Работать, кулек.*

*Хоть ты и в фас, и в профиль, в
общем-то, пенек, пенек-Ванек... И
на наколке локоть.*

*Купить бухла и умять его и
слопать, — вот твой предел, а у
меня другой...*

*А у меня проблема с головой, аж
на затылке выступает копьё, и я
хожу по кухне сам не свой.*

*Как дзэн-буддист, я не могу
работать, и как язычник, не могу
страдать, как христианин,
счастья не видать, то бишь,
свободы. Липкая, как деготь,
привычка жить и деньги собирать.*

*Привычка жить и целовать
взасос*

*стакан, чтобы слюна
перетекала.*

*Ты создан по неправильным
лекалам, — из огурца и рашпиля
волос.*

*Отец твой был галантен и
курнос, но он пропал, когда страна
всерьез, похоронив, от Сталина
икала.*

*Но есть надежда, что из лебеды,
из тьмы земли, из дыма Андромеды*

*появятся предвестники беды,
появятся все признаки победы, —
нас сменят моложавые кульки, и
выйдут в жизнь, в столовой
пообедав.*

*Не прекословь, а подотри клыки,
плесни бухла и продолжай беседу.*

К МОРЮ

*Моряки не купаются, только
тонут, погружаясь с улыбкой в
соленый омут.*

*Ну а море в тысячу языков
оставляет возможность
прощальных слов..*

*Это знал Одиссей на пути к
Телемаку, и об этом кто-то писал,
скартавив, со словечком «да», с
водяным знаком, на бумаге, что
терпит и не высыхает.*

*Если речная имеет виды, то на
морской — только тень от круга.*

*Волны цепляются друг за друга,
строя секундные пирамиды.*

*Я видел море и здесь, и дальше,
насколько взгляд расширяют ноги.*

*Я видел горе, людей и ящик,
оруций, тонущий без подмоги.*

*Мы не купаемся, только тонем,
выплывая вверх, напрягая жилы,
как выплывают из моря кони, не
удивляясь тому, что живы.*

*Мы – с горя выжившие,
но мира не принявшие.
Выжившие вообще.
Выжившие из ума,
выжившие вдвоем,
выжавшие войну из себя,
выжавшие раба,
но штангу не выжавшие,
выжатые до горба,*

*и, словно булыжник,
вымощенные.*

*Вымученные за звук,
отмищенные, отметеленные,
вешанные на сук,
взвешенные растения.*

*Рыба не любит воду, но любит
ее одну, в тот миг, как ее кладут
на теплую сковородку.*

*А Бог он возможен даже в
электропроводке, когда к ней
прикрутят рождественскую звезду.*

*К морю.... Запыхавшись,
заплетаясь в песке.*

*где шагов много больше, чем
продвиженья.*

*К морю,
с ветром сырым в виске
и в майке с признаками
растленья.*

В толще воды невозможны ни

бег, ни езда.

*Можно, как воздух всплыть или
быть ракетой..*

выскочившей с подлодки...

Расширенная звезда

*гаснет, как старт под ногой у
споткнувшегося атлета.*

07.

СТОЮ НА УЛИЦЕ И ИЩУ АДРЕС

*Рука уходит в карман, а он
дыряв, как носок.*

*Подлодка идет в океан и тонет
без адресов.*

*Но также идет рука, пытаюсь
найти в штанах*

*бумажку, чьи адреса написаны
кое-как.*

От коих зависит день и вечер,

крутой, как спуск.

*Подлодка уходит в тень, и рыба
не слышит пульс.*

*И кто из нас больший трус и
кто записной герой?*

*Не тот, кто ушел в моллюск, а
тот, кто стоит седой*

*в какой-то шубейке, мал,
ощупывая карман, а в нем — лишь
один провал, в котором исчез роман*

*и трешка до перемен, и
стольник помимо них...*

*Подлодка ушла на мель, и кок
получил поддых.*

*Со дна идут пузыри, взбухают,
как парашют.*

*Нет адреса, черт возьми, и надо
менять маршрут.*

1973 ГОД, ШКОЛА ОКОНЧЕНА